

ИСТОРИЯ ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ РОССИЙСКИХ ПСИХОЛОГОВ: ТРАГЕДИЯ И ДОЛГ*

©2021 г. Н.Ю. Стоюхина*, А.А. Костригин**

* Кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии управления, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»; 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; e-mail: natast0@rambler.ru

** Кандидат психологических наук, научный сотрудник, лаборатория истории психологии и исторической психологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1; e-mail: artdzen@gmail.com

DOI: 10.38098/ipran.sep.2021.21.1.008

Поступила в редакцию 20 февраля 2021 г.

Аннотация. Статья посвящена недостаточно изученному вопросу в истории российской психологии – деятельности отечественных психологов в годы Первой мировой войны. Авторы обобщили найденные на данный момент сведения о нахождении и роли разных психологов как в военных событиях, так и в научной и общественной жизни того времени. Представляются три группы персоналий в зависимости от того, в каком положении по отношению к военным действиям они оказались: участие в действующей армии; пребывание в Германии во время войны в качестве пленного гражданского лица; жизнь и научная деятельность в тылу. Среди психологов, которые служили в армии во время Первой мировой войны, рассматриваются биографические данные и воспоминания П.Н. Шефтеля, Г.Я. Трошина, В.Ф. Чижа, А.Б. Залкинда, И.А. Арямова, Л.Н. Войтоловского, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова, М.Я. Басова, Л.А. Бызова, М.В. Шика. К группе психологов, которые оказались в Германии во время войны, относятся А.О. Маковельский, А.Ф. Лосев, И.Н. Шпильрейн, Н.Е. Румянцев. Описываются результаты научных событий, состоявшихся в России в годы Первой мировой войны, – Третий и Четвертый Всероссийские съезды по экспериментальной педагогике, исследовательские работы в Психологическом институте им. Л.Г. Щукиной, коллективные публикации. Отмечается, что обращение к деятельности психологов во время Первой мировой войны является важным с позиций не только истории психологии, но и исторической психологии: кроме изучения жизненного пути персоналий и анализа результатов научных исследований этого периода представляет интерес и описание образа и роли ученого в военное время, особенностей научной активности в военных условиях. Авторы статьи призывают профессиональное сообщество дополнить список персоналий, которые принимали участие в Первой мировой войне и на которых война оказала значимое влияние, и другими именами.

Ключевые слова: история психологии, персоналии, биография, воспоминания, Первая мировая война, служба в армии, гражданский плен, научные съезды.

---

* Работа выполнена в рамках Государственного задания № 0138029-2021-0001.

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

На войне – страшно, любопытно, занимательно.

Л.Н. Войтоловский

Несколько лет назад, в 2014 г., мир отметил трагическую дату – столетие начала Первой мировой войны (28 июля 1914 г. – 11 ноября 1918 г.). Научное сообщество и, в первую очередь, историческое, откликнулось на эту дату большим количеством публикаций. К сожалению, о российских психологах, участвовавших в Первой мировой войне, явно недостаточно сведений (Будилова, 1972; Журавель, 2005; Колчинский и др., 2018; Историческая преемственность..., 2019; Караяни, Караяни, 2014; Москвитина, 2014; Психологическая наука..., 1997; Ростовцев, Сидорчук, 2014; Сидорчук, 2018; Усольцева, 2019), поэтому мы решили продолжить поиск информации о психологах, воевавших в той войне, надеясь на то, что подобных публикаций появится больше.

Личных воспоминаний о пережитом в годы войны тоже не так много; мы решили проанализировать найденное нами, объединив в следующие части: участие психологов в действующей армии; пребывание в Германии во время войны в качестве пленного гражданского лица; жизнь в тылу.

Психологи в действующей армии

Говоря о психологах на службе в армии, в первую очередь, нужно сказать о военных врачах. Муж Сабины Шпильрейн – Павел Наумович (Файвел Нотович) Шефтель (1891-1937/1938 (?)), выходец из ортодоксальной еврейской семьи, занимался в Вене психоанализом, там познакомился со своей будущей женой. В годы Первой мировой войны П.Н. Шефтель работал ординатором в госпитале киевского эвакоприемника. С 1922 г. предположительно практиковал в качестве врача-педолога в Ростове-на-Дону (Стоюхина, 2017). Психолог, невропатолог, педагог Григорий Яковлевич Трошин (1874-1939) служил в военном госпитале в Петрограде, написал ряд работ, посвященных

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

травматическому неврозу (Костригин, 2018; Москвитина, 2014). Психиатр, психолог, профессор по кафедре душевных и нервных болезней Юрьевского университета Владимир Федорович Чиж (1855-1922 (1924?)) покинул Юрьев после начала Первой мировой войны, став уполномоченным Российского Красного Креста в Киеве, где занимался организацией общественной помощи душевнобольным из числа воинов русской армии (Журавель, 2005).

Педолог Арон Борисович Залкинд (1888-1936) оставил запись о своей службе в армии и «при всем том, что текст был написан для вышестоящих партийных начальников, что, безусловно, накладывало свой отпечаток, автобиография Залкинда – интеллектуальный самоанализ, рассказ о духовных исканиях, раскрывающий мотивы его поступков, внутреннюю логику жизни» (Корсаков, 2010, с. 54): «1914-17 гг. – фронт, военным врачом, – огромные массовые впечатления. Не “теоретическая” психика находилась передо мной и не отдельные экземпляры человечества, а человеческие массы, давшие мне совершенно новые впечатления. Без книг (на фронте) я пытался “обобществить” мои психологические знания, связать мою “психологию” с социологией. Инстинктивно мне это сравнительно удавалось, но лишь в 1917-18 гг., попав в тыл, получив книги, я сумел добиться идеологического синтеза и сделался оформленным марксистом. Мой детский марксизм 1903-07 гг., плюс психологическая нагрузка 1908-14 гг., плюс социально-психологическая нагрузка 1914-17 гг., углубленные впечатлениями февральского и октябрьского переворотов и марксистской литературой вылечили меня от социологической наивности. Моя психология сделалась органической, неотъемлемой частью общемарксистского миропонимания, что я и сформулировал в своем докладе в начале 1919 года в Петроградском психотерапевтическом институте: “Биология, революция и воспитание” (напечатан).

Февральский переворот резко встряхнул меня. Несмотря на наивность в разрешении социально-политических проблем за это время, я все же инстинктивно чувствовал, что оставив фактическую власть в руках офицерства и кадетов, мы погубим все, и поэтому, разъезжая по дивизиям Северного фронта (главным образом 1-й армии) в качестве представителя от вновь организованного Союза врачей, я тщательно старался рядом с врачами организовывать также и сестер, фельдшеров, чтобы скренить весь фронт влево. В Главном военно-санитарном совете, куда я вошел представителем от 1-й армии, я занимал крайнюю левую позицию (считался большевиком, т.к. “якшался” с фельдшерской организацией и санитарями) и после бесполезной попытки сломить упорство коллег в августе ушел из Совета, который, кстати, в первые же дни после Октября был разогнан» (цит. по: Корсаков, 2010, с. 57).

Один из лидеров биогенетического направления отечественной педологии, впоследствии – большой специалист по возрастной психологии Иван Антонович Арямов (1884-1958), будучи студентом пятого курса Московского университета, призвавшись в декабре 1914 г., заявил о желании служить на передовых позициях и сразу же оказался во Львове, где шли бои: «27 декабря. Воля Нижня (юго-восток Польши, недалеко от границы со Словакией – *Н.С., А.К.*). Вот я и в полку. Попал как раз после боя в затишье и еще не оказывал помощи раненым. В 200 шагах от штаба полка находятся австрийские окопы. Одним словом, здесь уже настоящая война. <...> Но больных в околке очень много, и первые впечатления очень тяжелы: обмороженные ноги, ревматизм и поносы в самых сильных степенях. Солдаты измучены, разуты, в порванных сапогах, сидят в окопах в воде и холоде – счастье, что зима очень теплая, – часто не доедают, конечно, не досыпают. Лекарств – никаких, только касторка, йод и салициловый натрий и то захваченные у австрийцев» (Арямов, 2014, с. 39).

«18 января. <...> Сколько страданий человеческих и все они как в фокусе сгущаются у нас на перевязочном пункте. Каких видов разрушений человеческого тела тут нет: и перебитые руки, и разорванные члены разрывными пулями <...>, и раздробленные челюсти с оторванными языками – все это еле живое, корчащееся, часто в предсмертных муках, в полубессознательном состоянии. А как они утомлены!» (Арямов, 2014, с. 40)

Весной 1915 г. полк, где служил Арямов, при отступлении попал под страшный обстрел: «это был “ураганный огонь” по небольшим квадратам, на которые разделили немцы наши позиции и обстреливали их по очереди, не оставляя ни одного нетронутого места. Четыре часа продолжалась эта канонада, не меньше пятидесяти тысяч снарядов выпустили немцы по нашему участку-квadrату. Раненых было очень много, мы их усердно перевязывали. Вдруг – трах! Вот оно, – мелькнуло в голове, – конец! Тяжелый снаряд упал рядом с окопом и разорвался, сорвав с окопа крышу из толстых бревен в два слоя и завалил нас этими бревнами и землей» (Арямов, 2014, с. 45).

С тяжелым ранением Арямов был перевезен в г. Янув (сейчас – поселок городского типа Ивано-Франково, Львовская обл., Украина), отсюда – во Львов.

Был военным врачом и Лев Наумович Войтоловский (1875-1941). После окончания Киевской гимназии он поступил в Киевский университет на медицинский факультет, затем, исключенный за участие в студенческих манифестациях, был выслан в Харьков и там уже окончил Харьковский университет. Работал сверхштатным ординатором в киевской клинике нервных и душевных болезней. С начала войны и до 1917 г. командовал военно-полевым госпиталем, закончив службу в звании капитана медицинской службы. «Студент, исключенный из университета за участие в массовых беспорядках, мобилизованный врач, прошедший обе империалистические войны, председатель совета армейских выборных особой (гвардейской) армии в дни

Февральской революции, делегат второго Всероссийского съезда Советов, доброволец Красной Армии, демобилизованный после контузии на польском фронте, позже публицист, писатель и литературный критик», как называет Войтоловского Д.С. Горбатов (Горбатов, 2014, с. 5), оставил талантливо написанные воспоминания о войне, поражающие точностью психологических характеристик. Наблюдения, касающиеся коллективного поведения в условиях войны – «для войны нужна ненависть, а нашим солдатом владеют какие угодно чувства, но только не ненависть. И вот ее старательно прививают. Дни и ночи толкуют нам о шпионах. Сочиняются всевозможные небылицы, и офицеры соперничают друг с другом в измышлении ужасов предательства <...>. Образовались особые физиономисты, которые узнают в любом обывателе шпиона по голосу, по выражению лица, по отвисшей нижней губе» (Войтоловский, 1998, с. 27) – в дальнейшем легли в основу его произведений, позволяющих отнести автора к психологам, стоящим у основ советской социальной психологии (Стоюхина, Мазилев, 2016). Так, ему принадлежит описание панических настроений, механизмов воздействия на большие человеческие массы (Войтоловский, 1924а, 1924б, 1925).

Если студент не был врачом, то он шел во фронтовые части разных видов войск. Так, директор НИИ психологии АПН СССР Анатолий Александрович Смирнов (1894-1980), окончив Московский университет, прослужил больше года в кавалерии. Научный руководитель лаборатории «Психофизиология индивидуальных различий» НИИ психологии АПН СССР Борис Михайлович Теплов (1896-1965) после окончания школы прапорщиков участвовал в боях в составе пехотного полка Западного фронта. Профессор педологии и психологии в Государственном институте научной педагогики и в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена Михаил Яковлевич Басов (1892-

1931) на протяжении двух лет служил в регулярной армии рядовым пехоты (Москвитина, 2014).

Большой интерес представляют опубликованные письма Леонтия Алексеевича Бызова (1886-1942) – наиболее активного представителя Института социальной психологии, функционировавшего в Москве в 1917-1922 гг., основателем и руководителем которого был профессор В.М. Хвостов (Бызов, 2011). После закрытия института Бызов переключился на проблемы научной организации труда. Он вспоминал: «В июле 1914 г. призван на фронт в качестве прапорщика запаса (артиллерия). Всю империалистическую войну пробыл в качестве строевого офицера на фронте (до апреля 1918 г.), последний год командуя батареей. Между прочим, на фронте, опираясь на непосредственные впечатления от действий германской артиллерии при прорыве у озера Нарочь, в котором мне пришлось принять участие, и на сравнение с действиями нашей артиллерии, составил докладную записку о создании топографической службы в артиллерии. Отмечаю это само по себе маловажное обстоятельство потому, что работа над этой запиской раскрыла передо мной огромное познавательное и организующее значение карты как метода выражения сложных ансамблей хронологического (по терминологии Геттнера) характера. Впоследствии это мне также очень пригодилось. Пребывание в армии с особенной настойчивостью выдвинуло передо мной значение проблемы организации, а тема – строительство и функционирование социальных организаций в широком смысле слова стала передо мной с большой четкостью» (Бызовы, 2016, с. 22).

Длинные письма Бызова родственникам и друзьям наполнены размышлениями о ситуации на фронте, на том участке, где стояла батарея Бызова, а также о состоянии предреволюционной и революционной России. Подолгу ожидая наступления и тоскуя по непосредственным впечатлениям, он писал: «после войны мне трудно будет усидеть на месте, захочется отправиться

куда-нибудь с экспедицией или просто пойти, куда глаза глядят» (Бызовы, 2016, с. 221), но это был только 1915 г. и предстояло еще много испытаний. Он постоянно анализировал, сравнивал социально-политическую ситуацию в России и Германии. Судьбы родной страны не оставляли его мысли: «собственно говоря, война давно была бы окончена, если бы мы не были такими дураками. Ведь сил у нас – масса, энергии потенциальной – неисчислимое количество, – а вот умения использовать все эти богатства, управлять человеческим материалом, соединенным в роты, батальоны, полки, дивизии и армии, совершенно нет. Военное ведомство – вообще школа бездарности благодаря принятой системе продвижения офицерства к высшим должностям <...>; главное же зло – ложь, проникающая сверху до низу, весь быт военного сословия; верных донесений никогда не бывает, и ложь, преступная в таком деле всегда, иногда превращается в ужаснейшее преступление, сопровождаемое убийством людей» (Бызовы, 2016, с. 264). Тревога за будущее часто звучала в его письмах: «если бы можно было не жить, а только смотреть на кипящую Россию, можно было бы умереть от интереса, наблюдая за этой гигантской социальной лабораторией, за величайшей в мире социальной катастрофой. Но быть самому участником этой катастрофы, самому чувствовать своей ломающейся душой, в которой живет та частица мятущейся и может быть уже обреченной на гибель России, чувствовать весь трагизм противоречий, так тесно сплетающихся в катастрофе, – это бывает подчас невыносимо мучительно» (Бызовы, 2016, с. 477).

Необходимо коротко рассказать о воспоминаниях о войне малоизвестного сегодня психолога Михаила Владимировича Шика (1887-1937). Один из выпускников философского и исторического отделений Московского университета (1912), слушатель семинариев Г.И. Челпанова (Отчет о деятельности..., 1914, с. 317) и стажер Фрайбургского университета, он «служил в саперном полку; заведовал ротной канцелярией и готовился к сдаче экзамена

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

на звание прапорщика. Был направлен в училище в Петроград, но принят не был» (Перевернуть мир, 2020, с. 39). Завершил свою службу в конце 1917 г., когда фронт и армия разваливались. М.В. Шик называл себя социалистом, если это – «сторонник социальной справедливости, противник ужасного теперешнего экономического строя с его неравномерным распределением земных благ, с его нищими городскими окраинами, проституцией, вымирающими детьми» (Непридуманные судьбы..., 2015, с. 203). В своем обширном эпистолярном наследии он предстает перед нами чувствительным наблюдателем трагедии – разрушения армии, страны, описываемой остро и точно: «не так трудно победить немца, как своеволие русского человека, почувствовавшего, что нет на нем узды. Ничего так не заражает солдата нашего, как пример своеволия, как бы мало смысла в нем не было. <...> Большинство так же легко толкнуть на подвиг, как и на зверство. Но душа русская сейчас расстроилась. Потерялось ясное чутье того, что хорошо и что дурно» (Непридуманные судьбы..., 2015, с. 229).

Российские психологи в воюющей Германии

Некоторые психологи перед началом войны оказались в Германии, и об этом нам известно до обидного мало.

В 1913 г. в Германию в двухгодичную научную командировку приехал приват-доцент Казанского университета Александр Осипович Маковельский (1884-1969), где в библиотеках и в университетах изучал работы классиков философии. Успел уехать из Берлина, попав в последнюю партию обмена русских граждан, находящихся на берлинском вокзале, на немецких, из приграничной территории России. Так же, в неразберихе и панике, уезжал из Германии студент Алексей Федорович Лосев (1893-1988), приехавший туда совсем недавно. Позже два таких разных ученых написали работы об одном явлении немецкой психологии – Вюрцбургской школе (Стоюхина, 2018).

Судьба психолога Исаака Нафтуловича Шпильрейна (1891-1937) в годы Первой мировой войны также связана с Германией. Как писали историки психологии, «начавшаяся война застала Шпильрейна в Германии. Он переезжает в Берлин и остается здесь на положении гражданского пленного <...>. В годы войны Шпильрейн выполнил оригинальное исследование, посвященное запоминанию чисел. Объектом его изучения были математики, люди, профессионально подготовленные к восприятию цифрового материала. Автору удалось установить чувственную окрашенность различных чисел, рассматриваемую им как одно из условий их запоминания – дифференцирования. Было обнаружено, что у испытуемых, выполнявших счетные операции, возникали наибольшие трудности при оперировании цифрами «3», «7», «9», которые, согласно полученным результатам, в меньшей степени сохранялись в памяти. По мнению Шпильрейна, это связано с специфическим чувственным тоном, который испытывают люди при восприятии данных цифр, что отражается в скорости реагирования на них» (Кольцова и др., 1990, с. 112). В 1916 г. Шпильрейн опубликовал результаты еще одного исследования, проведенного в 1913 г. в Ростове-на-Дону, посвященного сравнительному анализу физического и интеллектуального развития учащихся народных училищ и гимназий, а также физического развития детей разных национальностей, обучающихся в одном типе учебных заведений (Spielrein, 1916).

Пожалуй, самое подробное описание жизни человека, поневоле оказавшегося в Германии, оставил психолог Николай Ефимович Румянцев (1876-1919) (Стоюхина, 2020), который в 1913 г. был командирован в Германию для работы в лабораториях В. Вундта (Лейпциг) и Г.Э. Мюллера (Геттинген) для изучения постановки народного образования. В Лейпциге чету Румянцевых застала Первая мировая война. Сначала их, как всех иностранцев из воюющих с Германией стран, заключили под стражу на шесть недель, пока военные власти

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

проверяли документы, а потом отпустили на поруки знакомых коллег. Больше их не тревожили, они лишь были обязаны являться в полицию раз в неделю на регистрацию и им было запрещено произвольно менять место жительства. Об отношении к русским – гражданско-пленным – со стороны немцев, автор пишет: «в большинстве случаев, очень корректно; в больших городах, разумеется, несколько лучше, чем в маленьких и деревнях, где иногда мальчишки кидали камнями, а бургомистр вводил разного рода ограничения свободы, в роде запрещения выходить из дома после 8 часов вечера, посещать театры, рестораны, обязывал “мельдоваться” каждый день и т.д. Но все-таки, мы получали такое же количество продовольственных карточек, как и все, а если голодали, особенно, в течение последней зимы, то наравне со всеми. Кроме того, русские, единственные из всех “вражеских” иностранцев не были заключены в лагеря, об ужасном состоянии которых до нас доходили смутные слухи» (Румянцев, 1917, с. 8), а ближе к концу войны «немцы охотно давали платные места русским гражданско-пленным в конторах, банках и тому подобных учреждениях» (Румянцев, 1917, с. 8). Лично к Николаю Ефимовичу отношение было вполне дружеским из-за того, что еще до начала войны он почти два года занимался в университете и работал в экспериментально-психологической лаборатории учительского общества, у него было много знакомых и друзей, даже центральная учительская библиотека, запретившая выдавать книги во время войны «врагам», в виде исключения разрешила пользоваться фондами. Безусловно, Румянцев «все время хлопотал об освобождении из плена, где чувствовал себя совершенно отрезанным от мира, духовно изолированным, хотя беспрепятственно получал русские газеты спустя две-три недели после их выхода и читал газеты наших союзников, освещавшие военные события с совершенно иной точки зрения, чем это делали немцы» (Румянцев, 1917, с. 9). Вернуться было непросто, тем более что Румянцев был годен к военной службе, но, когда смертельно заболела жена,

власти разрешили хлопотать об обмене. После смерти жены дело снова встало. «Еще пришлось просидеть и проработать почти два года. Особенно тяжело чувствовалась духовная оторванность от родины, когда она зажила новой жизнью, после революции, хотя вообще отношение к русским пленным заметно улучшилось. По крайней мере, немцы стали меньше делать различия между просто русскими и поляками, евреями, балтами, которые с самого начала находились в несколько привилегированном положении» (Румянцев, 1917, с. 8).

Движение в оформлении документов началось 3 марта 1917 г. и примерно к концу апреля отъезд был разрешен; разрешили даже вывезти все письма, заметки, книги, впрочем, весь этот пакет отобрали на русской границе в Торнео (Торнио – сейчас город в Финляндии на пересечении границ Швеции и Финляндии, тогда Российской империи).

Три года Румянцев не ездил по железной дороге, и отправившись из Лейпцига в Берлин, он был удивлен, увидев, что «также чисто в вагонах, также точно уходит и приходит на станцию поезд» (Румянцев, 1917, с. 12), также точно работает Министерство иностранных дел в Берлине, несмотря на воскресенье и Троицын день. Он отметил пустые лавки, закрытые кондитерские и мясные магазины. В малолюдных ресторанах «нет настоящего чаю и кофе, совсем нет молока, сахару (сахарин), хлеба, булок, сухарей, пирожного или печенья», немцы «пьют пустой кофе (поддельный) с принесенным с собой черным хлебом, состоящим из муки, картофеля и отрубей» (Румянцев, 1917, с. 14). Берлинцы в основном ходят пешком: ни извозчиков, ни автомобилей в городе нигде не видно, нет велосипедов, «так как вся резина конфискована для военных нужд» (Румянцев, 1917, с. 8).

В поезде Румянцев оказался с очень терпимыми спутниками, и всю дорогу они обсуждали текущее положение на фронте, международную политику воюющих сторон и пропаганду. Особенно возбуждение вызывали условия,

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

выдвинутые российской стороной при подписании Брестского мира, и спутники говорили: «конечно, мы хотим помириться с Россией и чем скорее, тем лучше, но Германия не может отказаться от завоеванных ею с такими усилиями областей и от вознаграждений за пролитую кровь лучших ее граждан. Это было бы политическим самоубийством. На нашем месте каждый сделал бы подобным же образом» (Румянцев, 1917, с. 28). Не согласный с попутчиками, но не желавший обострять беседу, Румянцев обрадовался прибытию поезда к границе, откуда путь был в шведский Треллеборг, затем Мальме, Стокгольм, Гапаранда (сейчас – г. Хапаранда в северной Швеции), Торнео (Торнио), и, наконец, Улеборг на российской стороне (сейчас – г. Оулу в Финляндии).

Наблюдая европейскую чистоту и порядок весь длинный путь возвращения, Николай Ефимович, как и другие эмигранты, с большим недоверием относился к разговорам о хаосе, анархии и страшной дороговизне в России. Все повторяли, что все образуется, «ну, скоро сами все увидим». Действительно, уже в Улеборге пришлось столкнуться с «изнанкой русской революции», когда большая толпа солдат, едущих на съезд в Выборг и не желающих дожидаться своего поезда, пыталась ворваться в поезд, занимая площадки вагонов 1-го и 2-го класса, сбили с ног начальника станции, ругались. В результате, прицепили несколько вагонов, куда солдаты и перешли. Румянцев огорчен: «до слез делается больно и обидно: неужели правы немцы, утверждающие, что русский мужик – смесь грубости, дикости и невежества, или я за 5 лет отвык от нравов России, или это эксцессы революции?» (Румянцев, 1917, с. 33). В Петрограде разочарование не прошло: поезд опоздал, извозчики были непривычно дороги, но в целом «город за пять лет отсутствия почти совсем не изменился и почти никаких следов революции! Два-три разрушенных здания, очень много красных флагов, несколько студентов, вместо городских, везде солдаты, кучи народа, собрания на улице, масса извозчиков, автомобилей, на

трамваях со всех сторон висят люди, улицы плохо подметены, пыль и грязь» (Румянцев, 1917, с. 34).

На следующий же день после приезда в Петроград, Румянцев, выступая с небольшим сообщением о Германии, заметил, что существует громадный интерес к стране-противнику, но у людей неясные представления о ее настоящем современном положении, как живет Германия теперь, чем она сильна, как немцы относятся теперь к вопросам войны и мира, русской революции и т.п. Эти вопросы постоянно повторялись и в дальнейшем, поэтому в этой небольшой книге Николай Ефимович постарался рассказать о том, что сам видел и понял, находясь в плену.

Автору явно симпатичны определенные национальные черты немецкого населения. Так, при скудной норме питания – «250 грамм, т.е. полфунта мяса с костями на человека в неделю, 50 гр., т.е. 1/10 фунта колбасы, 50 гр. масла, которое часто заменяется маргарином, с марта – 3 фунта в неделю черного хлеба и т.д. Молоко, белый хлеб выдавались только для детей и больных. Так как в нынешнем году был неурожай картофеля, то всю зиму, вместо 5 ф. картофеля, выдавалось по 5 ф. брюквы в неделю на человека, и брюква, т.о., составляла главное питание населения» (Румянцев, 1917, с. 38) – люди гораздо меньше жалуются ввиду «чрезвычайной упорядоченности и организованности в распределении продуктов и выдачи» (Румянцев, 1917, с. 38). При строгом учете всех имеющихся в стране запасов продуктов, равномерном распределении их, твердых ценах, отрегулированной выдаче, еще существует система «экономизации»: «не пропадает не только ни одна крошка хлеба, но ни одна шелуха от картофеля, ни одно зернышко от вишни или сливы. Кухонные остатки собираются городами для кормежки скота (картофелем, отрубями, брюквой и т.д. кормить скот запрещено, т.к. все это идет в пищу людям), а косточки для изготовления из них масла, в котором громадный недостаток. Некоторым

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

подспорьем к питанию являются многочисленные, вновь изобретенные искусственные питательные вещества, насчитывающиеся сотнями» (Румянцев, 1917, с. 38). Все это позволяет населению терпеливо переносить тяжелое время, «проникнутое одною мыслью, что “мы живем в *великое* (курсив Н.Е. Румянцева – *Н.С., А.К.*) время, решающее надолго судьбу нашего отечества”» (Румянцев, 1917, с. 39).

Николай Ефимович обратил внимание на изменения в педагогике воюющей страны; оказывается, война только повысила интерес к вопросам воспитания, и, несмотря на недостаток бумаги, появилась литература, использующая результаты войны для обновления школы. «Война показала, что сила нации в обязательном для всех народном образовании. <...> обязательна 10-летняя школа. Эта школа должна быть “единой”, т.е. общей для всех сословий, классов, состояний, которые одинаково любят свое отечество и беззаветно за него сражаются. Она должна воспитывать в детях с самого начала сознание “национального единства” всем своим строем, своей организацией. Особенно она обязана заботиться о высокоодаренных, талантливых, способных, к какому бы классу общества они ни принадлежали, так как в них сила государства» (Румянцев, 1917, с. 41).

Наблюдавший у соотечественников «недостаток организации и неумение жертвовать своими личными эгоистическими интересами, узкими интересами партии общему делу» (Румянцев, 1917, с. 41), Румянцев искренне призывал учиться у немцев организации и сплоченности. Он видел, что в России больше продовольственных запасов и запасов товаров, но все жалуется на их нехватку, спекулятивные цены, громадные очереди, «совершенно дореволюционные порядки или вернее беспорядки царят и во всех казенных учреждениях, сохранивших в новой коже старое сердце» (Румянцев, 1917, с. 42), и призывал народ взять судьбы в свои руки, «показать, к чему мы сами способны, достойны-ли мы свободы, сумеем-ли ее защитить, отстаивать нашу политическую,

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

социальную, территориальную и экономическую независимость». Он считал, что у немцев можно и нужно учиться «порядку, организованности, выдержке, сплоченности и любви к отечеству. Чтобы потом действительно и прочно с ними помириться и на празднике победы поднять за наших учителей заздравный кубок» (Румянцев, 1917, с. 45). Сквозь призыв к своим слушателям и читателям к мобилизации духовных сил слышалось его разочарование от хаоса, анархии, неорганизованности...

Вернувшись к профессиональной деятельности, он стал заведующим психологической лабораторией в Соляном городке, работал над вопросами дошкольного воспитания, но вскоре в Учительском союзе Петрограда решили организовать свой Педагогический музей и курсы, Союз лекторов тоже организовывал педагогические курсы, и Николай Ефимович возглавил эти направления, а позже уехал работать в Сибирь.

Жизнь российских психологов в тылу

О.А. Москвитина отмечает, что некоторые психологи, не участвовавшие в боевых действиях, писали на темы, связанные с войной: В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, Г.И. Россолимо, И.А. Сикорский, П.П. Тутышкин – все они осмыслили происходившую на их глазах трагедию (Москвитина, 2014).

Работа университетов не останавливалась, несмотря на то, что учебные заведения страдали от войны. Вот что писал профессор Московского университета историк-медиевист А.Н. Савин: «в Москве до войны было 11 тысяч студентов, осталось 7,5, потому что второй и третий курсы взяты на войну, на первый курс подано около двух тысяч процентов. Процент убыли был бы гораздо больше, если бы не быстрый рост числа студентов-медиков. В Петроградском университете, где нет медицинского факультета, число студентов сократилось вдвое, с восьми тысяч до четырех. А женской высшей школе грозит в больших

городах хозяйственная разруха. Стоимость жизни удвоилась и стала непосильной для тощих кошельков русской учащейся молодежи. Ей придется буквально недоедать, если ее не будут прикармливать на благотворительный счет. Но этого мало. Вследствие прошлогоднего беженческого паводка и правительственной растерянности, Москва переполнена выше меры. Нет свободных квартир, нет свободных комнат, особенно дешевых комнат, и учащимся негде жить. К ним приходят на помощь благотворители и бескорыстные организаторы, приходит на помощь город, но вся эта филантропия, конечно, не сможет помочь всем. Многим придется уезжать домой, если у кого есть способный приютить дом. <...> Утешаться можно только тем, что у наших союзников и наших врагов высшая школа запустела еще больше, и этой убыли самого дорогого человеческого материала не возместит никакое хозяйственное и культурное превосходство» (Савин, 2015, с. 418).

Научная жизнь продолжалась. Так, с 2 по 7 января 1916 г. в Петрограде прошел Третий Всероссийский съезд по экспериментальной педагогике, который открыл председатель Общества экспериментальной педагогики А.П. Нечаев (подробнее см.: Аншакова, Кольцова, 2016; Будилова, 2008, с. 327-337). С проведением съезда были материальные проблемы, и министр народного просвещения граф П.Н. Игнатьев ассигновал нужную сумму, городское самоуправление и некоторые учебные заведения предоставили помещения для приехавших участников съезда и для заседаний. Вопросы, представленные на обсуждение, группировались по темам: экспериментальные методы исследования отдельных процессов душевной жизни; экспериментальное исследование личности; экспериментальные исследования педагогических проблем; экспериментальные исследования в области школьной гигиены; проблемы методики отдельных учебных предметов в ее отношении к психологии (Труды Третьего Всероссийского съезда..., 1916). Тема идущей войны звучала в

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

докладах отдельными репликами: «под суровым впечатлением войны настоящий съезд будет решать вопросы преподавания, воспитания и вообще школьного строительства. Это показывает, что творческий подъем русского народа к изменению строя школьной жизни не заглох; это показывает, что народ верит в свои силы и свое творческое будущее» (Труды Третьего Всероссийского съезда..., 1916, с. 86). Участники съезда вспоминали Н.Е. Румянцева: «С глубоким вниманием и волнением была выслушана приветственная телеграмма от находящихся в немецком плену Н.Е. Румянцева и С.Г. Попича: “Удрученные невозможностью принять личное участие, из немецкого плена шлем Съезду пожелания плодотворной деятельности. Верим в огромную важность экспериментальной педагогики для могучего развития дорогой родины”» (Труды Третьего Всероссийского съезда..., 1916, с. 10).

Психологи редко вспоминают еще об одном событии в истории психологии – Четвертом съезде по экспериментальной педагогике, собранном экстренно. Съезд был созван, как писал А.П. Нечаев, в ответ на всеобщий шум по поводу учебной реформы, напоминавший «большой митинг, без ясной программы, где чувство и фраза господствуют над мыслью и знанием» (Романов, 1996, с. 78). Съезд проходил 23 мая 1917 г. с участием петроградских ученых и педагогов. Были прочитаны доклады: С.А. Золотарев – «Об организации духа как срочной задаче научных сил в России», В.М. Бехтерев – «О социально-трудовом воспитании», А.П. Нечаев – «Педагогика как наука», Л.Г. Оршанский – «Психопатология и педагогика», В.В. Гориневский – «Точки соприкосновения в деятельности врача и педагога в школе», К.И. Поварнин – «О научном изучении первого детства», В.В. Половцов – «О Педагогической академии», С.И. Сазонов – «О подготовке руководителей дошкольного воспитания» и И.В. Эвергетов – «О педологическом движении в России» (Романов, 1996, с. 78; Четвертый съезд..., 1917). Основная мысль, отраженная в резолюции, касалась «создания новой

школы, соответствующей потребностям страны и сильной своим внутренним авторитетом» (Четвертый съезд..., 1917, с. 78).

Г.И. Челпанов в недавно открытом Психологическом институте со своими учениками и коллегами продолжал научные экспериментальные работы (Челпанов, 1914). В 1916 г. в благодарность своему учителю они издали сборник статей по философии и психологии (Георгию Ивановичу Челпанову..., 1916), а в следующем году начался выпуск периодического издания «Психологического обозрения» под редакцией Г.И. Челпанова и Г.Г. Шпета, где предполагалось дать место исследованиям по всем отраслям психологии, знакомить читателей с исследованиями, проведенными в Европе и Америке. Всего вышло четыре выпуска в трех книгах в 1917 г.

Силами самих студентов, членов Общества искусств и изящной литературы при Императорском Московском университете в 1916 г. была выпущена книга «Студенчество жертвам войны», объединившая под обложкой стихи и прозу начинающих авторов; весь доход от продажи поступил на оказание помощи больным и раненым воинам. Два ученика Г.И. Челпанова приняли участие в издании сборника – А.Ф. Лосев своей статьей «Два мироощущения» и П.С. Попов содействием при печатании книги (Студенчество жертвам войны, 1916).

В журнале «Психология и дети» публиковались некрологи об ушедших за время войны коллегам, как российских, так и зарубежных (Э. Меймана, Т. Рибо, Т. Липпса, О. Кюльпе, А. Чемберлена, Ф. Йодля, С. Витасека, Ф. Тейлора и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Американский историк психологии Т. Лихи подвел итоги Первой мировой войны для американской психологии: «после войны началось быстрое развитие прикладной психологии, которая стала заниматься иммигрантами, проблемными детьми, рекламой и вопросами семьи. Прикладная психология громко заявила о

себе. Ее влияние с тех пор только росло» (Лихи, 2003, с. 378). Говоря о российской психологии, можно отметить, что, блестяще фиксируя психологические механизмы разрушения государства, армии, привычного мира, отдельной личности, «собственно военных разработок в прикладной психологии сделано не было. Психология в России находилась в процессе становления. Но опыт, полученный в этот период, был с успехом реализован во время Великой Отечественной войны» (Москвитина, 2014, с. 81).

События Первой мировой войны застали отечественных психологов в различных местах и поставили их в разное положение – сражения, защиты, спасения, выживания, но в то же время и активной научной и общественной деятельности. Их опыт переживания войны и ее последствий, результаты исследовательской деятельности необходимо рассматривать не только с позиций истории психологии (социально-исторические, логико-научные и личностные факторы создания нового психологического знания) (Журавлев и др., 2016; Кольцова, 2008), но и с точки зрения исторической психологии (личность и образ ученого в военное время, научная активность в военных условиях, роль ученых в военной деятельности и в тылу) (Историческая психология..., 2004; Королев и др., 2011), что было показано в отношении деятельности российских психологов в годы Великой Отечественной войны (Кольцова, Олейник, 2006) и что ждет своих исследователей в отношении Первой мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аншакова В.В., Кольцова В.А.* К столетию первых съездов по экспериментальной педагогике в России // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня – 2 июля 2016 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 389-393.
- Арямов И.* «Долго ли будут продолжаться эти ужасы человеческого истребления?» Дневник фронтового врача // Подмосковный летописец. Историко-краеведческий альманах. 2014. № 2 (40). С. 33-47.

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

- Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972.
- Будилова Е.А.* Труды по истории русской психологической мысли: вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 2008.
- Бызов Л.А.* Институт социальной психологии в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 4 (104). С. 107-130.
- Бызовы. Голоса прошлого. В 2 т. Т. 1 в 2 кн. Кн. 1. М.: Новый Хронограф, 2016.
- Войтоловский Л.* Психология панических настроений // Красная Новь. 1924 (а). № 5. С. 176-197.
- Войтоловский Л.* Очерки коллективной психологии. В 2 ч. Ч. 1. Психология масс. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1924 (б).
- Войтоловский Л.* Очерки коллективной психологии. В 2 ч. Ч. 2. Психология общественных движений. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1925.
- Войтоловский Л.* Выходил кровавый Марс. По следам войны. М.: Военное изд-во, 1998.
- Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891-1916. Статьи по философии и психологии. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1916.
- Журавель В.А.* Владимир Федорович Чиж как психолог (1855–1922): малоизвестные страницы жизни и научного творчества (к 150-летию со дня рождения) Часть I // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 2005. № 1. С. 27-29.
- Журавлев А.Л., Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня – 2 июля 2016 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7-15.
- Залкинд А.Б.* Автобиография // Философские науки. 2010. № 4. С. 56-61.
- Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитоновна, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Историческая психология: предмет, структура и методы / Под ред. А.А. Королева. М.: Изд-во МосГУ, 2004.
- Караяни А.Г., Караяни Ю.М.* Психологическая помощь военнослужащим в годы Первой мировой войны // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2014. № 2. С. 101-110.
- Колчинский Э.И., Зенкевич С.И., Ермолаев А.И., Ретунская С.В., Самокиш А.В.* Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / Под общ. ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2018.

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

- Кольцова В.А.* История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Кольцова В.А., Носкова О.Г., Олейник Ю.Н.* И.Н. Шпильрейн и советская психотехника // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 2. С. 111-133.
- Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Московский гуманитарный университет, Институт психологии РАН, 2006.
- Королев А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А.* История и психология: неумолчный диалог: учебное пособие. М.: Изд-во Московского гуманит. ун-та, 2011.
- Корсаков С.Н.* Новые факты о А.Б. Залкинде // Философские науки. 2010. № 4. С. 51-62.
- Костригин А.А. Г.Я.* Трошин в годы Первой мировой войны: исследование и лечение нервно-психических заболеваний в условиях войны // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2018. № 1. С. 45-54.
- Лихи Т.* История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.
- Москвитина О.А.* Русские психологи во время Первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы международной научной конференции 20-21 ноября 2014 г. СПб.: Изд-во ГПА, 2014. С. 78-82.
- Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века: Письма М.В. Шика (свящ. Михаила) и Н.Д. Шаховской (Шаховской-Шик). В 2 т. Т.1: 1911-1926. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2015.
- Отчет о деятельности Психологического Семинария при Московском Университете за 1907-1913 годы // Психологические исследования, издаваемые под ред. проф. Г.И. Челпанова. В 2 т. Т. 1. Вып. 1-2. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1914. С. 298-327.
- Перевернуть мир: О священнике Михаиле Шике и Наталии Шаховской-Шик. В 2 кн. Кн. 1. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2020.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Романов А.А. А.П.* Нечаев: у истоков экспериментальной педагогики. М.: Изд-во РОУ, 1996.
- Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3. С. 3-21.
- Румянцев Н.Е.* Как живет Германия во время войны и чем она сильна? (По личным воспоминаниям гражданского военнопленного. М.: Задруга, 1917.
- Савин А.Н.* Университетские дела: дневник 1908-1917 / Отв. ред. А.К. Гладков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

- Сидорчук И.В.* План В.М. Бехтерева по созданию Института гуманитарных наук // *Ананьевские чтения – 2018: Психология личности: традиции и современность: материалы международной научной конференции, 23-26 октября 2018 г.* СПб.: Айсинг, 2018. С. 18-19.
- Стоюхина Н.Ю.* Предисловие публикатора: Шефтель П. Об обновленной педагогике (педологии) и роли врача в ней (1923) // *История российской психологии в лицах: дайджест.* 2017. № 4. С. 38-41.
- Стоюхина Н.Ю.* Один сюжет из историографии отечественной психологии // *Системогенез учебной и профессиональной деятельности. В 2 ч. Часть I: Материалы VIII всероссийской научно-практической конференции, 19-20 ноября 2018 г.* Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. С. 107-109.
- Стоюхина Н.Ю.* Николай Ефимович Румянцев: «апостол труда и творчества» // *Психологический журнал.* 2020. Т. 41. № 6. С. 69-77.
- Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А.* Парадигма воздействия в работах первых отечественных социальных психологов // *Ярославский педагогический вестник.* 2016. № 2. С. 95-104.
- Студенчество жертвам войны: Сборник стихов и прозы / Под ред. Ф.Г. Де Ла-Барта и Н.В. Самсонова.* М.: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1916.
- Труды Третьего Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике в Петрограде с 2 по 7 января 1916 г. Отчет, составленный секретарем Съезда И.В. Эвергетовым.* Пг.: Общество экспериментальной педагогики, 1916.
- Усольцева И.В.* Влияние Первой мировой войны на проблематику отечественной педагогической психологии (по материалам деятельности Санкт-Петербургского родительского кружка) // *Научные труды Московского гуманитарного университета.* 2019. № 1. С. 44-52.
- Челпанов Г.* Психологический Институт при Московском Университете (история, описание устройства, организация занятий) // *Психологические исследования, издаваемые под ред. проф. Г.И. Челпанова.* Т. 1. Вып. 1-2. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1914. С. 273-298.
- Четвертый съезд по экспериментальной педагогике // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии.* 1917. Вып. 3-5. С. 75-80.
- Spielrein I.* Über Kindermessungen in Rostov am Don // *Zeitschrift für Schulgesundheitspflege.* 1916. Vol. 29. № 10. P. 451-461.

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

Anshakova V.V., Kol'tsova V.A. K stoletiyu pervykh s"ezdov po eksperimental'noi pedagogike v Rossii // *Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: sud'by uchenykh, dinamika idei, sodержanie kontseptsii: materialy vserossiiskoi*

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

---

konferentsii po istorii psikhologii «VI Moskovskie vstrechi», 30 iyunya – 2 iyulya 2016 g. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016. S. 389-393.

Aryamov I. «Dolgo li budut prodolzhat'sya eti uzhasy chelovecheskogo istrebleniya?» Dnevnik frontovogo vracha // Podmoskovnyi letopisets. Istoriko-kraevedcheskii al'manakh. 2014. № 2 (40). S. 33-47.

Budilova E.A. Filosofskie problemy v sovetskoj psikhologii. M.: Nauka, 1972.

Budilova E.A. Trudy po istorii russkoj psikhologicheskoi mysli: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. M.: Nauka, 2008.

Byzov L.A. Institut sotsial'noi psikhologii v Moskve // Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2011. № 4 (104). S. 107-130.

Byzovy. Golosa proshlogo. V 2 t. T. 1 v 2 kn. Kn. 1. M.: Novyi Khronograf, 2016.

Voitolovskii L. Psikhologiya panicheskikh nastroyenii // Krasnaya Nov'. 1924a. № 5. S. 176-197.

Voitolovskii L. Ocherki kollektivnoi psikhologii. V 2 ch. Ch. 1. Psikhologiya mass. M.; Pg.: Gos. izd-vo, 1924b.

Voitolovskii L. Ocherki kollektivnoi psikhologii. V 2 ch. Ch. 2. Psikhologiya obshchestvennykh dvizhenii. M.; Pg.: Gos. izd-vo, 1925.

Voitolovskii L. Vskhodil krovavyi Mars. Po sledam voiny. M.: Voennoe izd-vo, 1998.

Georgiyu Ivanovichu Chelpanovu ot uchastnikov ego seminariev v Kieve i Moskve 1891-1916. Stat'i po filosofii i psikhologii. M.: T-vo tip. A.I. Mamontova, 1916.

Zhuravel' V.A. Vladimir Fedorovich Chizh kak psikholog (1855–1922): maloizvestnye stranitsy zhizni i nauchnogo tvorchestva (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya) Chast' I // Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii. 2005. № 1. S. 27-29.

Zhuravlev A.L., Kol'tsova V.A., Oleinik Yu.N. Izuchenie otechestvennoj i mirovoj psikhologicheskoi mysli: rezul'taty i perspektivy issledovaniia // Istoriya otechestvennoj i mirovoj psikhologicheskoi mysli: sud'by uchennykh, dinamika idei, sodержание kontseptsii: materialy vserossiiskoi konferentsii po istorii psikhologii «VI Moskovskie vstrechi», 30 iyunya – 2 iyulya 2016 g. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016. S. 7-15.

Zalkind A.B. Avtobiografiya // Filosofskie nauki. 2010. № 4. S. 56-61.

Istoricheskaya preemstvennost' v otechestvennoj psikhologii / Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.V. Kharitonova, E.N. Kholondovich. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2019.

Istoricheskaya psikhologiya: predmet, struktura i metody / Pod red. A.A. Koroleva. M.: Izd-vo MosGU, 2004.

Karayani A.G., Karayani Yu.M. Psikhologicheskaya pomoshch' voennosluzhashchim v gody Pervoi mirovoj voiny // Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoj zashchity. 2014. № 2. S. 101-110.

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

- Kolchinskii E.I., Zenkevich S.I., Ermolaev A.I., Retunskaya S.V., Samokish A.V.* Mobilizatsiya i reorganizatsiya rossiiskoi nauki i obrazovaniya v gody Pervoi mirovoi voyny / Pod obshch. red. E.I. Kolchinskogo. SPb.: Nestor-Istoriya, 2018.
- Kol'tsova V.A.* Istoriya psikhologii: Problemy metodologii. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2008.
- Kol'tsova V.A., Noskova O.G., Oleinik Yu.N.* I.N. Shpil'rein i sovetskaya psikhotekhnika // Psikhologicheskii zhurnal. 1990. T. 11. № 2. S. 111-133.
- Kol'tsova V.A., Oleinik Yu.N.* Sovetskaya psikhologicheskaya nauka v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945). M.: Moskovskii gumanitarnyi universitet, Institut psikhologii RAN, 2006.
- Korolev A.A., Zhuravlev A.L., Kol'tsova V.A.* Istoriya i psikhologiya: neumolchnyi dialog: uchebnoe posobie. M.: Izd-vo Moskovskogo gumanit. un-ta, 2011.
- Korsakov S.N.* Novye fakty o A.B. Zalkinde // Filosofskie nauki. 2010. № 4. S. 51-62.
- Kostrigin A.A.* G.Ya. Troshin v gody Pervoi mirovoi voyny: issledovanie i lechenie nervno-psikhicheskikh zabolevanii v usloviyakh voyny // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2018. № 1. S. 45-54.
- Likhi T.* Istoriya sovremennoi psikhologii. SPb.: Piter, 2003.
- Moskvitina O.A.* Russkie psikhologi vo vremya Pervoi mirovoi voyny // Pervaya mirovaya voyna i problemy rossiiskogo obshchestva: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 20-21 noyabrya 2014 g. SPb.: Izd-vo GPA, 2014. S. 78-82.
- Nepridumannye sud'by na fone ushedshego veka: Pis'ma M.V. Shika (svyashch. Mikhaile) i N.D. Shakhovskoi (Shakhovskoi-Shik). V 2 t. T.1: 1911-1926. M.: Kul'turno-prosvetitel'skii fond «Preobrazhenie», 2015.
- Otchet o deyatelnosti Psikhologicheskogo Seminariya pri Moskovskom Universitete za 1907-1913 gody // Psikhologicheskie issledovaniya, izdavaemye pod red. prof. G.I. Chelpanova. V 2 t. T. 1. Vyp. 1-2. M.: pech. A.I. Snegirevoi, 1914. S. 298-327.
- Perevernut' mir: O svyashchennike Mikhaile Shike i Natalii Shakhovskoi-Shik. V 2-kh kn. Kn. 1. M.: Kul'turno-prosvetitel'skii fond «Preobrazhenie», 2020.
- Psikhologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii / Pod red. A.V. Brushlinskogo. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 1997.
- Romanov A.A.* A.P. Nechaev: u istokov eksperimental'noi pedagogiki. M.: Izd-vo ROU, 1996.
- Rostovtsev E.A., Sidorchuk I.V.* Akademicheskii patriotizm: propagandistskie teksty prepodavatelei rossiiskoi vysshei shkoly v gody Pervoi mirovoi voyny // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2014. № 3. S. 3-21.
- Rumyantsev N.E.* Kak zhivet Germaniya vo vremya voyny i chem ona sil'na? (Po lichnym vospominaniyam grazhdanskogo voennoplennogo. M.: Zadruga, 1917.

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

- Savin A.N.* Universitetskie dela: dnevnik 1908-1917 / *Otv. red. A.K. Gladkov.* M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015.
- Sidorchuk I.V.* Plan V.M. Bekhtereva po sozdaniyu Instituta gumanitarnykh nauk // *Anan'evskie chteniya – 2018: Psikhologiya lichnosti: traditsii i sovremennost': materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 23-26 oktyabrya 2018 g.* SPb.: Aising, 2018. S. 18-19.
- Stoyukhina N.Yu.* Predislovie publikatora: Sheftel' P. Ob obnovlennoi pedagogike (pedologii) i roli vracha v nei (1923) // *Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: daidzhest.* 2017. № 4. S. 38-41.
- Stoyukhina N.Yu.* Odin syuzhet iz istoriografii otechestvennoi psikhologii // *Sistemogenez uchebnoi i professional'noi deyatel'nosti. V 2 ch. Chast' I: Materialy VIII vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 19-20 noyabrya 2018 g.* Yaroslavl': RIO YaGPU, 2018. S. 107-109.
- Stoyukhina N.Yu.* Nikolai Efimovich Rumyantsev: «apostol truda i tvorchestva» // *Psikhologicheskii zhurnal.* 2020. T. 41. № 6. S. 69-77.
- Stoyukhina N.Yu., Mazilov V.A.* Paradigma vozdeistviya v rabotakh pervykh otechestvennykh sotsial'nykh psikhologov // *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik.* 2016. № 2. S. 95-104.
- Studenchestvo zhertvam voyny: Sbornik stikhov i prozy / Pod red. F.G. De La-Barta i N.V. Samsonova.* M.: t-vo skoropech. A.A. Levenson, 1916.
- Trudy Tret'ego Vserossiiskogo s"ezda po eksperimental'noi pedagogike v Petrograde s 2 po 7 yanvarya 1916 g. Otchet, sostavlennyy sekretarem S"ezda I.V. Evergetovym.* Pg.: Obshchestvo eksperimental'noi pedagogiki, 1916.
- Usol'tseva I.V.* Vliyanie Pervoi mirovoi voyny na problematiku otechestvennoi pedagogicheskoi psikhologii (po materialam deyatel'nosti Sankt-Peterburgskogo roditel'skogo kruzhka) // *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta.* 2019. № 1. S. 44-52.
- Chelpanov G.* Psikhologicheskii Institut pri Moskovskom Universitete (istoriya, opisaniye ustroystva, organizatsiya zanyatii) // *Psikhologicheskie issledovaniya, izdavaemye pod red. prof. G.I. Chelpanova.* T. 1. Vyp. 1-2. M.: pech. A.I. Snegirevoi, 1914. S. 273-298.
- Chetvertyi s"ezd po eksperimental'noi pedagogike // Vestnik psikhologii, kriminal'noi antropologii i pedologii.* 1917. Vyp. 3-5. S. 75-80.
- Spielrein I.* Über Kindermessungen in Rostov am Don // *Zeitschrift für Schulgesundheitspflege.* 1916. V. 29. № 10. P. 451-461.

Н.Ю. Стоюхина, А.А. Костригин

Первая мировая война в судьбах российских психологов: трагедия и долг

THE FIRST WORLD WAR IN THE FATES OF RUSSIAN PSYCHOLOGISTS: THE TRAGEDY AND DUTY**

Stoyukhina N.Yu.*, A.A. Kostrigin**

* Ph.D. (psychology), associate professor, department of psychology of management, Federal state autonomous educational institution of higher education «National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky»; 23, Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603950; e-mail: natast0@rambler.ru

** Ph.D. (psychology), research associate, laboratory of history of psychology and historical psychology, Federal state-financed establishment of science Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 13-1, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: artdden@gmail.com

Summary. The article is devoted to an insufficiently studied issue in the history of Russian psychology – the activities of Russian psychologists during the First World War. The authors summarized the information found to date about the location and role of various psychologists both in military events and in the scientific and social life of that time. Three groups of personalities are presented, depending on the position in which they found themselves in relation to military operations: participation in the active army; stay in Germany during the war as a captured civilian; life and scientific activities in the rear. Among psychologists who served in the army during the First World War, the authors describe the biographical data and memories of P.N. Sheftel, G. Ya. Troshin, V.F. Chizh, A.B. Zalkind, I.A. Aryamov, L.N. Voitlovsky, A.A. Smirnov, B.M. Teplov, M.Ya. Basov, L.A. Byzov, M.V. Shik. The group of psychologists who remained in Germany includes A.O. Makovelsky, A.F. Losev, I.N. Spielrein, N.E. Rumyantsev. The article describes the results of scientific events in Russia that took place during the First World War – the Third and Fourth All-Russian congresses on experimental pedagogy, research work at the Psychological institute named after L.G. Shchukina, collective publications. It is noted that the appeal to the activities of psychologists during the First World War is important from the standpoint of both history of psychology and historical psychology: in addition to studying the life path of personalities and analyzing the results of scientific research of this period, it is also of interest to describe the image and role of a scientist in wartime, features of scientific activity in war conditions. The authors of the article urge the professional community to add other names to the list of personalities who took part in the First World War and on whom the war had a significant impact.

Keywords: history of psychology, personalities, biography, memoirs, First World War, military service, civil captivity, scientific congresses.

** The research was carried out within the state assignments № 0138029-2021-0001.